

ВЛАДИМИР ФРОЛОВ

НА  
ИЗЛЁТЕ

18+

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

Г-12

# Владимир Фролов

## На излете

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69549703](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69549703)*

*SelfPub; 2023*

### Аннотация

Что есть жизнь – наркотический сон Бога, кинотеатр для безвольных зрителей или набор непрекращающихся диссонансов? Попав в круговорот стремительных событий, герой все глубже погружается в сущность своего быта.

# Владимир Фролов

## На излете

*Смотрел на мир всегда лишь трезвым взглядом?*

*А может – только пьяным? Ревизор.*

*В глазах твоих есть фильтр, соткан ядом.*

*В бровях твоих не хмурость – лишь узор.*

*Ты шаг попутал с тремором больного.*

*На шапке не звезда, в груди не сталь.*

*И что в твоём характере стального?*

*О чём ты видишь сны, когда лег спать?*

*Проснись, надень рубашку, выпей стопку.*

*Сегодня снова день, а позже – ночь.*

*Когда ты заметишь, все же, кнопку –*

*С инструкцией попробую помочь.*

\*\*\*

Мир любви всегда казался мне несправедливым. Есть только одна женщина, которая любит тебя несмотря ни на что, безусловной любовью. Но у тебя на нее не стоит. Мать – высший дар и величайшее разочарование. Диссонанс вынуждает тебя двигаться дальше.

*Нога с хрустом врезается в дверь, меня ждет долгое приключение через пространство квартиры на двадцать седьмом этаже, финал которого ознаменуется убийством очередного слетевшего с катушек психа. Время совсем притихло. Адреналин, перемешавшись с заряженной кровью, сделал свое дело – надавил на стрелку часов, не давая ей двигаться в привычном режиме. Слышу громкий щелчок. Неужели, сломана кость? Волны боли догонят звук через пару секунд, но для меня пройдет целая вечность в рассуждениях о первопричине происходящего. Может, это была секундная стрелка? Тот щелчок. Не важно, держи в голове свою цель – покончить с человеком, готовым отправить весь мир в забвение. И ради чего... Он сидит в этой квартире и насмехается над всем человечеством, прямо сейчас оскаленная физиономия извергает хохот. Слышу его через стены. Низкочастотный монотонный звук в моей голове, отражающийся от стенок черепа перед тем, как попасть в сознание.*

Любая история начинается не с событий, но с мотивации к определенным действиям. Эмоции дергают за ниточки, направляя тело и поток мыслей исполнять поставленные задачи. Любимый герой – марионетка в руках высшего Бога, имя которому – Эволюция. Что стало моей мотивацией?

Сахар.

*Дверь слетает с петель очень неохотно. Нога точно бу-*

*дет болеть. Сначала отделяется верхняя часть, затем, спустя несколько секунд, нижняя устремляется ей вслед, словно ребенок, держащий за руку мать. Хорошо, что дверь деревянная. В обойме моего кустарного дробовика всего два заряда. По одному на каждый глаз. Смех улюлюкает и шипит.*

В жизни нечем заниматься, если хочешь чего-то настоящего. Мир или пустой, лишенный эмоций, или полон настроений, но все они лицемерны. Два толстых каната – выживание и размножение, превратились в набор рычагов, через которые тебя направляют. Любой аспект жизни, являясь лишь проявлением послушания перед природой, вызывает у меня смешанные чувства. С этой позиции самые безнравственные поступки становятся равными самым высокоморальным. Каждый бежит навстречу заветному счастью, протянутому костлявой рукой жизни. Преступники и моралисты равны в своих стремлениях ухватить его покрепче. На чьей я стороне?

*Он почувствовал меня задолго до моего появления, а значит – эффект неожиданности безвозвратно проебан. Придется рассчитывать только на рефлексы. Мы будем драться, как загнанные звери. Полиция сидит у меня на хвосте и прибудет с минуты на минуту. Времени в обрез. И в то же время – его слишком много.*

Все началось с Большого взрыва, я полагаю. Мириады элементарных частиц пнули под зад большим напалмом. И им это понравилось. Они организовали кружок под названием «Эволюция». Туда брали всех без разбора, достаточно обладать минимумом энергии и толикой массы. Это вам не отбор в сборную по атлетике. Никакой конкуренции. Твое существование – достаточное условие. Я тоже там был, но ничего не помню. Как и множество вещей, произошедших после. Трагедия одинокого человека в пустыне. Хочется пить, но никто не приходит. Паника затмевает зачатки разума. Внезапный гром среди ясного неба, пронизывающий стержнем пространство между двух скал, еще недавно бывших столь дружелюбными. Сколько подобных катастроф переживаешь до того, как учишься хранить что-то в памяти? Приобретаешь заделы на комплексы и фобии будущего. Твой персонаж определен обстоятельствами. Любовь к большим сиськам, синдром жертвы, бегающий взгляд и зависимость от едкого дыма. Стартовый комплект твоего быта. Первые воспоминания – словно первая страница книги, написанная разборчивым почерком. Пока ты учился писать – разучился мечтать.

– Это тебе! – девочка в песочнице протягивает мне лопатку с песком.

Она здесь самая активная. Активный набор атомов. Еще вчера мы не понимали, где заканчивается рука, и начинается окружающий мир. Сегодня же набор атомов стал набором

объектов. Я знаю, где заканчивается моя рука. Я даже могу сказать несколько слов. Я знаю только маты, и девочка плачет после моего ответа. Мне грустно. Так я узнаю про эмпатию. Какой-то долговязый парень позади нее прячет в песочнице сверток костей.

– Кусочек детства для взрослых, – подмигивает он.

Вскоре я встаю на две ноги и отправляюсь в путь. Вчерашние дети с умным видом тыкают меня носом в грязь и заставляют верить, что это цветы. Заставляют учиться тому, чего не знают сами. Верить в то, что давно опровергли и любить тех, кто не способен быть честным. Но все это круто, ведь ребенок подобен наркоману – его жизнь проходит в режиме «под кайфом». Я имею в виду усиленные эмоции. Супер-радость, супер-печаль, супер-вкус, супер-запахи. Все супер. Потом возникает толлер к реальности. Тебя уже не вставляет, как прежде. Речь про ту самую шоколадку, на которой ты вдруг понимаешь, что она перестала быть такой вкусной. Что с ней? Обертка выцвела и пожелтела, как осенний лист. Вкус начинки стал более черствым.

– Отец, что случилось, она просрочена?

– Ты просто повзрослел, сын. Поможет увеличение дозы.

– Дозы?

– Женщины, сынок, теперь они твой шоколад.

Первый поцелуй, первая сигарета, первая пломба – мины на твоём пути, взрывающиеся разными вкусами. Застраившие осколки шевелятся в теле. Контуженый чувствами че-

ловек, ветеран детства. Кто-то переборщил с чупа-чупсами, кого-то не заметил быстрый водитель, кому-то не повезло в экспериментах с огнем. Остальные награждены шоколадной медалью. Поиски сахара могут завести далеко. Синяя голова, растущие организмы и старый матрас запускают новый виток эволюции, максимально сокращая лишние телодвижения. Но если хочешь поиграть в моралиста – добро пожаловать в высшее общество, блеющее серьезными терминами.

*Голова кружится. Дверь съела больше кислорода, чем я рассчитывал. Кусок дерева напоминает доску для серфинга, потерявшую своего наездника. Обои нависают надо мной, грозно тряся бумажными кулаками. На стыках засохший клей. Они были приклеены наспех. Что скрывается за слоями бумаги? Сколько поколений предков сжигало кислород в этой дыре? Мне надо просто дышать и поменьше загоняться. Вдох. Выдох. Вдох. Воздух пробивает дорогу внутрь, мигая осколки зубов. Легкие расширяются.*

Когда я смотрю в ее глаза, она напоминает мне мать. Стивия – моя любимая шоколадка. Она заменила мне сахар конфет. Как будто то самое неуловимое чувство настоящей жизни, чувство, которое ты даже не способен описать – выразилось в одной девушке в материальном мире. Теперь оно реально, его можно потрогать. И даже трахнуть, если повезет. Стала ли она спусковым крючком в заложенной в меня про-



грамме?

Она может рассказать, в чем была одета на первом свидании, но никогда не вспомнит – в чем был я. Мы познакомились случайно. Обычно про такое говорят – судьба. Разочарованный в своей внутренней пустоте, я тогда искал чем заняться, и не находил. Я завязал с алкоголем, и походил на зомби. Кристально трезвое нечто. Брось зависимость – и узнаешь, чего стоила твоя улыбка. Я шатался по улицам города в поисках того, что сумеет вдохнуть нотки жизни в серый туман. Время было вечернее, темнота улиц опустилась на холодный асфальт. Свернув в один из переулков, я увидел, как она отбивается сумочкой от пары злых гиен. Я собирался пройти мимо, оценив мельком размер ее груди, но взгляд упал немного выше.

– Помоги, – прочитал я в ее огромных зрачках. Сама жизнь говорит с тобой в этот момент.

Мы из одной песочницы.

И вот уже рука хватает кирпич, так кстати оказавшийся под ботинком. Он красного цвета и весь в отверстиях, олицетворение сердца человека, пережившего пубертат. Рука взлетает над головой парня, достающего из кармана нож. Если его голова прочнее, чем этот кирпич – нам конец.

Его голова оказалась не крепче арбуза. Так я получил первый срок, условный. Мне сказали, что еще одно неловкое движение, растление соседской девочки, скажем, или проезд зайцем в поезде – и меня закроют по-настоящему. С работой

должен был начаться полный напруг, ведь работодатели оценивают человека по упаковке, словно это новогодний подарок. Но Стивия помогла мне устроиться к своим знакомым в газету. Я начал писать некрологи и сводки бытовых преступлений.

*Я цепляю ногой коврик для обуви, отправляя в полет чьи-то ботинки. Белый потолок заливают ярким светом грязь под ногами. Он падает на меня, надо успеть проскочить. Облака пыли поднимаются вверх.*

Работа была не сложной. Я еду на очередное происшествие, прихватив с собой диктофон. Босс велел включать его всякий раз, как кто-нибудь из очевидцев откроет рот. Они будут извергать свою интерпретацию событий. А я – потом должен переслушивать записи и собирать из них картину. Художник, рисующий буквами. Свидетели обычно взволнованны, и начинают нести чушь. Ты должен оставаться спокойным и не давить на них. Иногда срываешься и высказываешь все, что думаешь об их показаниях. Кнопка на диктофоне вечно заливает в самый неподходящий момент, съедая половину их слов. Приходится много импровизировать. Возвращаясь в офис, я беру ручку и пишу слова, они собираются в предложения. Я плохо читаю, поэтому отдаю их на проверку редактору по несколько раз в день.

Мы зажили припеваючи, но продлилось это не слишком

долго. Все из-за главного редактора газеты. Он ставил мне палки в колеса, ему не нравился мой литературный стиль.

– Ты слишком романтизируешь. Мы тебя не для лирики брали, – проскрипел он после публикации очередного выпуска, – читатели жалуются.

Возможно, я просто искал причины вместо того, чтобы ковыряться в последствиях. Кто спасет маньяков от их жертв...

Парень, отвозя свою стервозную невесту на работу, направил машину с моста?

*Он прошептал, что в действительности любит лишь скорость, выкручивая руль в последний раз. Оставшиеся секунды он провел в полной гармонии с миром, ведь у нее не хватает времени начать новый скандал, пока машина летит вниз.*

Пожилая женщина наполнила квартиру газом и взорвала, когда в гости наведались потомки?

*Зажигая спичку, она заметила, что зять вышел на улицу покурить, но было поздно. Зато не придется делить наследство.*

Подобные вещи происходили достаточно часто, чтобы нам со Стивией хватало на жизнь. Но золотая пора началась, когда город захлестнуло сумасшествие. На городскую сцену вышел новый маньяк – король психоделиков, как его называли газеты. Прозвище Метафизик приклеилось к нему почти сразу. Он заполонил город препаратами, лишавшими

рассудка многих. Распространяя их через пищевые добавки, Метафизик, по слухам, хотел подарить свою любовь горожанам, поднять их уровень просветления или что-то в этом роде. Люди сходили с ума и шли на необдуманные поступки. Прыжки из окон, петли на дверных ручках и все в таком духе. Новостные ленты пестрили спорами о том, способен ли такой человек в действительности любить. Я был краток.

*Эмпатия – главный враг человека на пути к социальной свободе.*

Меня выперли из газеты. И долгое время все было тихо, город жил своей жизнью. Метафизик постепенно исчез с радаров журналистов, его так и не нашли, во всяком случае так писали мои бывшие коллеги. А меня не отпускало чувство, что я падаю в пропасть, на дне которой меня ждет только вакуум. За придуманным бытом нет ничего. От скуки я начал писать стихи, но кому нужна поэзия в наше время, когда вся лирика жизни уместается в одной таблетке?

– У тебя мастерский язык, – утешала меня Стивия. Что она имела в виду?

Все издательства отказались со мной сотрудничать. Мне ничего не оставалось, кроме как пойти работать на кассу в ресторан быстрого питания. Мы продавали самые калорийные бургеры в округе, и на моих глазах мозги людей заплывали жиром. Они орали, что хотят добавки. Некоторые брали диетическую газировку в надежде протянуть до полтинника.

Доходы падали. Стивия хотела детей. Семья была для нее единственным ориентиром, помимо модных джинсов и кофе с ликером. Денег едва хватало на нас двоих.

Иногда я надеваю ее очки, они изменяют мир до неузнаваемости, выворачивая истинные мотивы. Так принято в совместной жизни. И вот мы переезжаем в потрепанную однушку на окраине, рядом с железнодорожной станцией. Окна продувает со всех сторон, словно мы на вершине горы. Насморк становится хроническим. Она смотрит на меня, не понимая, что за красивыми глазами болотного цвета уже началось разложение. Ее восхищение фиолетовым залпом затмевает мой гной. Гайморит превращает кости в бульон.

По ночам, слушая стук колес об рельсы, мы мечтали о светлом будущем. По крайней мере, я хотел так думать.

– Почему я должна засыпать под этот грохот? – ворчала Стивия, накрываясь подушкой.

Я слушал, как поезда один за другим совершают маневры и устремляются вдаль. Кто их пассажиры? В конце концов, Стивия обратилась за помощью к брату. Это был крайний вариант, как она утверждала.

– Мы с ним не очень ладим. Он занимается незаконной деятельностью, понимаешь? – закатывала она глаза. – Но мне придется просить его о помощи.

Так я познакомился со Смертником. Настоящего имени он никому не раскрывал. Его знала только Стивия. Смертник занимался мелкими грабежами и наркоторговлей.

Условный срок еще не закончился, и я старался держаться от него подальше. Брат приносил Стивии деньги два раза в месяц. Я старался в это время отсутствовать дома. Однако он нашел меня на работе.

– У вас есть что-нибудь без сахара? – он стоял перед кассой и разглядывал меню на стене за моей спиной.

– Боюсь, выбор совсем небольшой. Могу предложить стакан воды.

Я работал два через два, и он навевался почти каждую смену, донимая меня своими комментариями.

– Знаешь, я бы на твоём месте носил оружие, – подмигнул Смертник. – Твой вес составляет около тридцати процентов от массы среднего клиента. Когда закончатся бургеры – они займутся тобой.

Я спросил, чем он занимается.

– Продаю тот же сахар, только ярче, – ответил Смертник, разглядывая новинку с двумя котлетами и обильным слоем сыра на рекламном плакате.

Однажды он признался, что имел дело с Метафизиком, пока тот не исчез из города. Он хотел задействовать меня в своих планах.

– Знаю, ты на условном. Но вышибать мозги людям намного интереснее, чем продавать им фастфуд. Не находишь?

Я не находил. Однако меня заинтересовало старое дело, в котором так никто и не разобрался. Он мог поведать нечто уникальное, до чего не докопались проворные ищейки. Мы

со Стивией обзавелись небольшим фургончиком, и выезжали по выходным за город, отдохнуть от всей этой суеты. Это была единственная отдушина. Колеса шуршат километры, а ты между двух состояний погружаешься в темноту размышлений. На работе меня пилит Смертник, в фургончике я забываюсь в объятиях Стивии.

Любовь и проклятье всегда идут комплектом.

– Мой брат – не такой уж плохой человек. Просто он пытается немного заработать, – сказала мне Стивия.

Я не любил преступников по понятным причинам. Путь успешного преступника ведет в политику. Самого успешного – в президентское кресло, откуда он может писать новые законы для паствы. Я ненавидел политику, а значит – в преступном мире мог стать лишь шестеренкой. И все-таки, я согласился помочь Смертнику при условии, что он оставит нас в покое. Что стало моей мотивацией? Думаю, я охладел к фруктозе, а малышка Стивия не была уже такой узкой, как вначале. Одни нити слабеют, другие – натягиваются. Жизнь колесом едет по мозгам.

– Пора повышать градус, приятель.

*На стене возле входа висит календарь. Сегодняшнее число обведено двойной линией. На рисунке изображен автомобиль, летящий по пустынному шоссе. Из окна высунулась физиономия водителя. Он смотрит назад, словно ожидая погоню.*

Ему нужен был фургон, и у меня он был.

– Метафизик – мой прошлый напарник, любил сочинять новые рецепты, – сказал он мне, – распродадим остатки, и сможешь уехать из города с нормальной суммой. Заведешь детей и собаку. Наша ниша – психоделики.

Мы сделали в фургоне двойной пол. Вся подноготная – под двумя сантиметрами доски. Я почувствовал запах денег. Глаза горят жизнью сильнее всего перед тем, как окончательно потухнуть, словно звезды. Стивия не должна была ничего знать о наших делах. Началась моя новая карьерная лестница. Поеденный коррозией фургон стал местом моей работы и отдыха. По выходным я брал в нем Стивию, а в остальные дни – колесил по маршрутам, составленным Смертником. Любовь и проклятье.

Мы грузим набитые чемоданы под половицы. Старый карбюратор будет отдаваться впускному коллектору, как в последний раз.

Докопаться до правды – это не про логику и пропозиции.

Ее слюна, словно паутина развратного паука, блестит в натяжении между пухлыми губками, когда я наваливаюсь сверху. Это ловушка, в которую я так стремлюсь. Пробираясь через темный коридор, я боюсь зажигать свет, здесь все наполнено животной похотью, готовой взорваться от малейшей искры. «Кто здесь?» – ору я в пустоту ее внутренностей.

Что будет, если совершить без всякой подготовки нечто



противоречащее законам эволюции?

Смертник чертит новую дорогу на торпедо. Нас останавливает полицейский.

– Только без нервов, – бормочет напарник, вытирая улики с лица.

Два сантиметра отделяют меня от пожизненного. Ему плевать на все, в его жизни нет длинноволосой бестии. Полицейский светит своим фонарем в стекло, жестикулируя свободной рукой. Чего он хочет от нас? Если я закрою глаза – может быть, он исчезнет?

Марионетка верит в свою свободу, даже видя нити, тянущиеся с километровой высоты небес.

Стивия впивается в меня когтями, сдирая сухую кожу. Забываясь в такие моменты, она не скрывает свое лицо. Пожирательница мартовских котиков. Настоящая любовь – это наркотик, после которого краски погаснут навсегда. Пока не примешь новую дозу. Стивия раскрашивает мой черно-белый портрет, добавляя цветных морщин. Она не умеет любить. Если твоя любовь однажды заканчивалась – какова ей цена? Я отдам за ее чувства всю мелочь из карманов.

Всегда остается проблема первопричины.

Я открываю двери багажника. Полицейский разглядывает мешки, поправляя очки.

– Куда столько сахара?

– Мы сладкоежки, – замечает Смертник, потирая пистолет за своей спиной.

Мы возьмем дюжину пятидесятикилограммовых мешков. Каждый раз, когда мы достаем часть товара – мне приходится выгружать эти долбаные мешки с сахаром. Так что я отлично знаю их количество и вес. Полицейский говорит, что сахар вреден. Он в отличной форме в свои шестьдесят только благодаря правильной диете и физкультуре. Смертник называет таких «олдодрочерами».

– Они берегут себя для старости, чтобы на пенсии выебываться при низкой конкуренции, когда не сходить под себя – уже достижение.

Я порождаю быт, или быт – порождает меня?

Ты уже не сморщенный сухофрукт в потертом свитере. Теперь ты – сморщенный сухофрукт в модной рубашке и при часах, отмеряющих время до схлопывания Вселенной. Легкие сжимаются. Воздух проскальзывает через осколки зубов. Надо бы их сделать. Работа становится уколами от депрессии. Сделка с совестью подобна сигарете – приятна лишь в моменте и привыкаешь. Выберите то, что ненавидите. Ведь от ненависти до любви один шаг. И вам достаточно будет этот шаг сделать. На этот шаг, правда, может уйти вся жизнь. Но если взяться за то, что любишь изначально – вообще двигаться не придется. А это ведет к деградации.

Смертник признался мне незадолго до того, как все развалилось. Он затеял эту игру, чтобы выманить своего бывшего напарника на улицы. Продавая чужой труд, он надеялся вызвать злость в Метафизике. У них было незаконченное дело.

– Наш новый проект должен был затмить все, что было раньше, – рассказал он. – Только представь, шанс прожить совсем другую жизнь. Мы назвали его Г-12. В честь одиннадцати предыдущих попыток состряпать это дерьмо. С виду напоминало кирпичную крошку красного цвета.

Возьмите пустое сознание. Добавьте картинку, мысль, эмоцию. Добавьте формальные понятия типа времени, прошлого и будущего. И вот оно – существо в моменте, без прошлого и будущего. Вне всякого реального мира, вне всякого времени, но с осознанием своего прошлого, верой в будущее и окружающий мир. Что если я умираю каждую секунду, а в следующую – уже другое существо проживает новый миг вместо меня, храня мою память. Секунду назад был тоже не я. Тот парень погиб, а мне дали его память ровно на секунду. 86400 копий меня за день. Столько жизней ради одного дня существования.

– Эффект длится всего несколько секунд, – объясняет Смертник, уплетая мой завтрак. – Эти секунды ты совсем другой человек, другое существо. Побывать несколько секунд другим человеком – значит прожить его жизнь, понимаешь?

– Не совсем. Несколько секунд не равняются жизни, верно? Ты можешь изменить восприятие мира до неузнаваемости, но лишь в моменте.

– Разве все прошлое не часть этого восприятия? – он обильно засыпает тарелку перцем, – оно существует в твоих мыслях, памяти. Мысли о прошлом есть лишь в настоящем.

Чтобы изменить всю прошлую жизнь – достаточно изменить мгновение. Мы всегда работаем с ним. Десятилетия в другом мире пролетают за секунды.

– Прошлое существует лишь в настоящем... – мне захотелось выпить.

Суть препарата была довольно простой. На миг он заменял фильтры в голове, формирующие реальность консервативного обывателя. Новая интерпретация реальности включает новую интерпретацию прошлого. На миг ощущаешь себя другим человеком, проживая тем самым его жизнь. У меня оставались вопросы. Существует ли вообще прошлое? Что есть настоящее? Есть ли будущее у безалкогольного пива? Но напарник не знал на них ответов, поэтому я старался мыслить прагматично.

– Старая память не станет помехой?

– Мозг решает проблему сам. Диссонанс. Борьба противоречий порождает новый мир.

Стивия заваривает кофе, бросая беглые взгляды на брата. Он голоден и берет добавку. Они выкатили пробную партию, недоработанную и нестабильную.

– Нам не удалось довести работу до конца. Один придурок выпрыгнул в окно. В крови нашли Г-12. Полиция плотно села нам на хвост, и мы разбежались. Уверен, мой партнер продолжает работу. Он ищет недостающие компоненты. Мне нужны его записи.

– Думаю, побочные эффекты были бы жуткими, – заметил

я, – узнать, что вся твоя жизнь – всего лишь короткая иллюзия, эффект от колеса, принятого в уборной паршивенького клуба в захудалом городке.

Я представил, как любознательный примат в спортивном костюме выползает из подъезда с блуждающими глазами. Друзья-торчки зарядили ему слишком большую порцию красного печенья, так манящего своим цветом. Час жизни обернулся безумием. Создавая и руша империи на лестничной площадке, он познал саму суть жизни, теперь снова оказавшись здесь, в сальном костюме. Безумное сверхнечто, запертое в теле забытого подростка. Он строил пирамиды, летал в космос, вершил историю. Тысячи жизней, уместившиеся в один час. Они не прошли бесследно, вызвав острую зависимость. Каждая из них оборачивалась правдоподобной галлюцинацией. Откуда ему знать, что все закончилось? Да и есть ли разница...

– Побочек хватало. Проблемы с памятью, психика трещит по швам.

– Для синхронизации новой реальности с памятью требуются невероятные ресурсы. Насколько же ускоряется мозг?

Смертник смотрит перед собой невидящим взглядом, игнорируя все вокруг.

– Люди вроде него всегда ведут дневник, не полагаясь на память. Мне нужно узнать, что он выяснил.

*Каждый шаг – копия предыдущего, непохожая внешне, но*

*сходная по сути. Оружие прилипает к потным ладоням. Голосовые связки болят. Я осознаю, что ору имя своего подельника.*

План Смертника не выгорел. Нас настигли конкуренты, это была очередная проверка документов. Я сидел в багажном отделении на куче мешков. Полуживой Смертник переключал хрустящие передачи, добивая синхронизаторы моего фургона.

– Они все еще на хвосте?

– Вроде отстали, – крикнул я через окно, отделяющее багажный отсек.

– Опять этот старпер, – ответил Смертник. Нас остановил знакомый полицейский.

– Давайте посмотрим, что у вас на этот раз.

Он протянул руку к задней двери фургона. Щелчок затвора, донесшийся из багажного отсека, убедил его наметанное ухо этого не делать. Вот в чем вопрос – человек, совершивший убийство, всегда был сумасшедшим, или стал им, пока боек двигался в сторону гильзы?

– Все кончено, – просто сказал он.

Подъехавшая сзади машина остановилась, вышли злые люди. Наши враги усиливают свои способности простыми средствами. В их глазах можно увидеть отражение самого дьявола. Зброшенная дорога усыпана бычками сигарет, телегами и пустыми гильзами. Здесь часто проходят подобные

встречи. Они стоят в ряд, сложив руки на яйцах.

Мне не нравится запах смерти, но нравится запах адреналина. Я выхожу под лучи прожекторов фар с автоматом наперевес, прикидывая шансы выбраться без потерь.

– Мы конфискуем ваш бизнес, – говорит фиолетовый пиджак. У него следы под ноздрями, это плохо. Он все еще втягивает дорогу. Весь мир – иллюзия. Он там, за барной стойкой, воображает себя новатором в преступном мире. Вся жизнь уместилась на сантиметре стола. Он не ведает, что творит. Эта иллюзия грозит стать последней, но зашкаливающие эмоции держат мозг в тонусе. Простой менеджер средней руки, по вечерам в баре играющий в войну. Как скоро он повзрослеет?

– Хер вам, – кричит Смертник, запуская в их сторону брелок от ключей в форме сюрικена.

Пули пролетают мимо меня слишком быстро, чтобы разглядеть калибр. У них есть все шансы избавить мир от нашего присутствия. Воспользуются ли они им? Я прячусь за полицейской машиной, ведя безуспешный огонь вслепую. В кармане еще три обоймы. Я дал им имена на случай, если они станут моими последними свидетелями, но не смог их запомнить. Они кидают зажигательную смесь в наш фургон и сматываются в закат. Нашему бизнесу официально пришел конец. Как я объясню Стивии, что мы не поедем на пикник в следующую субботу?

Через месяц деньги начали заканчиваться. Мы успели за-

работать только на свои долги. Я сказал Стивии, что все наладится, если мы просто будем радоваться жизни. Сам я, конечно, не верил в эту чушь. Но нам было нечего продавать.

– Метафизик занимался производством. Теперь его нет, и нет старых запасов, – сказал Смертник.

Он строил планы мести и видел на каждом углу своих врагов. Паранойя входит в жизнь, как алкогольная зависимость. Сначала не замечаешь, а потом – слишком поздно. Она пропитывает все аспекты жизни. Тебя прослушивают через банку шампуня, пока ты моешься в душе. Твои друзья носят маски и хотят украсть твой бумажник, пока ты спишь. Иногда в небе раздается басистый протяжный возглас с призывом очнуться от страшного сна, но ты слишком погряз в размышлениях, и сам стал продуктом паранойи.

– Чертовы байкеры заправляют наш товар в бензобаки вперемешку с бензином. Своим выхлопом они отравляют людей.

Смертник сбросил несколько килограмм, напоминал вяленую рыбу.

– Ты верно спятил.

Он не слушал.

– Выбирают жертву на пустом шоссе и грабят, пока водитель в бреду пытается не сойти с ума.

*Коридор с одним поворотом напоминает лабиринт для умственно отсталых. У тебя нет вариантов. Поезд всегда*



*идет по рельсам, остается смотреть, куда он приведет. Лабиринт быта состоит из контрольных точек, соединенных временем в пути. Нога отзывается пульсирующей болью. Смех превратился в фон, наложившийся на всю мою жизнь. Видимо, это была комедия. Я смотрю на свои ноги – возможно, единственный фрагмент реальности, которым я могу управлять.*

Мы зашли в магазин в самый час пик, что означало присутствие и других покупателей. Я взял себе банку лимонада, небольшую. Инсулиновый скачок – меньшее, что мне нужно сейчас. Через несколько часов я буду в изоляторе. За поясом смертника я заметил спрятанный ствол.

– Зачем ты взял это с собой? – я указываю на пояс, – я видел, что там у тебя.

– Если ты про мой хер, то он не отстегивается, извиняй. Смертник достал сигарету и закурил.

– Проверяю пожарку, – пояснил он. – Насколько этот магазин соответствует стандартам безопасности.

– Ты мудака, просто знай. Сорвавший мне вечер мудака.

Мы читаем состав на пакете молока. Он пьет только с жирностью не больше двух процентов. Думает, там меньше лактозы. Чтение дается непросто. Люди начинают оглядываться. Они слышали про ту перестрелку. Спустя некоторое время я понимаю, что мы наебались с жирностью. Здесь три процента.

Три процента его разозлят.

Выстрел гремит прямо над ухом.

Нужно поискать еще.

Люди бегут, толкая меня от стеллажей с молочной продукцией. Я пробираюсь сквозь них, хватая первый попавшийся пакет с молоком. Сейчас расплачусь, и мы уйдем. Я узнаю человеческое лицо в том, что осталось от головы кассира. Фиолетовый пиджак, зачем же он его надел в этот день.

– Первое убийство, как первый секс – стояк каменный, а кайфа ноль, – Смертник делает глубокую затяжку, – пацанам расскажешь, что было круто. Себе скажешь, что не будешь повторять, – он стряхивает наросший пепел. – Потом повторишь еще много раз.

Его слова всегда врезаются в мозг, как будто я печатная машинка в руках камикадзе. Как мне забыть это? Звук тлеющей сигареты скрипит на фоне мертвой тишины. Или это эхо от выстрела. Теперь я буду всегда его слышать где-то на фоне. До конца дней. Мы достаем из кассового аппарата несколько купюр – жалкое зрелище. На первый взгляд, они ничем не пахнут, вопреки рассказчикам о морали. Я не сдаюсь. Я должен докопаться до истины. Чем пахнет мораль?

Она пахнет гречишным медом.

– Полиция знает про нас, Смертник! Они уже поняли, что произошло.

Мне становится плохо. Я так не хочу в тюрьму. Там очень плохо кормят, а эти пытки невинных душ – сложно сохра-

нять здравомыслие, представляя, как вчерашнего отличника раскалывают паяльником. Он признается в убийстве соседки, которую видит впервые в жизни. Люди поверят в это и на могильной плите, рядом с его именем, появится надпись, нацарапанная гвоздем. Убийца.

– Откуда такая информация? – на его переносице появляются очки. Он с умным видом пересчитывает купюры.

– У них детекторы на запах меда. Здесь все провоняло.

Он пишет в блокноте какие-то цифры. Значок интеграла определенно свидетельствует о познаниях в математике. Он сует купюры в задний карман, и мы начинаем двигаться к выходу. Смертник кричит, чтобы я не забыл взять хлеба, дома совсем нечего жрать. Выживание – прежде всего.

Нас повязали через пятнадцать минут. Сначала они не хотели открывать огонь, потому что в руках у меня была какая-то женщина. Я прихватил ее между торговых рядов. Она висела на руке.

– Напряги ноги, дорогая, рука скоро отсохнет, – повторял я ей.

Я выронил ее, и тут же мое плечо пронзила острая боль алого цвета. Модная рубашка была испорчена. Я провалился на время в темноту, из которой, вероятно, не стоило вылезать.

*Свет моргает, проблемы с проводкой или моими глазами? Сквозняк впивается мелкими иглами. Открыто окно*

*или дверь на балкон. Может, ветер только в моей груди...  
Кто такой Метафизик?*

Я кричу на людей в форме, не выдержав жалких потуг вытянуть из меня информацию. Они показывают мне фотографии уродливых людей и спрашивают, знаю ли я кого-нибудь из них.

– Тебя упекут, если не расскажешь хоть что-то, понимаешь? – следак тычет мне в лицо очередным уродом. Этого я где-то видел. Кажется, он продал мне обезболивающее на прошлой неделе. Славный парень.

Его кожа нагревается по мере речи. С каждым словом она становится все более пунцовой. Здесь проскальзывает явная взаимосвязь. Ему стоит замолчать, пока кожа не начала пuzziриться. Я вспоминаю юность и пустые стены школьного музея. Нас тогда никто не расколол, потому что все участники давали разные показания. Никто не помнил даты, путался в фамилиях и обстоятельствах. Иногда хорошо быть идиотом. Мы купили сладостей на заработанные деньги.

– Мне надо поссать, босс.

Меня отводят в сортир. Смертник все рассчитал, и скоро мы будем на свободе. У него заточка в левом ботинке. Осталось придумать, как его снять со связанными руками. На часах охранника пятнадцать минут четвертого. Полицейский идет передо мной. В его лысине отражаются лампочки, свисающие с потолка. Я продавал ему комплексные обеды, зна-

комые подбородки. Главное, чтобы он не завалился на кого-нибудь из нас. При нынешних условиях отжать такой массив от груди будет проблематично. Смертник движется нам на встречу со своей охраной. Мы встречаемся посередине коридора. Как выбраться отсюда, имея всего одну заточку на двоих, которая спрятана где-то в недрах ботинка? Этот вопрос меня беспокоит, потому что я забыл план, теперь остается только импровизировать. Я случайно наступаю на пятку Смертнику. Он что-то шипит.

– Другой ботинок, идиот!

Это помогает активировать правильные нейроны в остатках интеллекта. Но слишком поздно. Смертник шепчет, чтобы я рассказал им то, что они хотят знать.

Расскажи им все про Метафизика. Тебе скостят пару лет.

Я не сдам его, потому что не помню. Отсутствие памяти делает тебя человеком чести. Скорый суд должен определить нас на свои места.

*Ветер усиливается. Он срывает куски обоев и уносит вперед, бумага шелестит вдоль неровных стен. Пульсирующая боль локализуется в плюсневых костях.*

– Что вы можете сказать в свою защиту?

– У меня не было выбора.

Меня держат в собачей будке, закованным в наручники. Судья одета в черный плащ. В руках у нее здоровенный мо-

лоток, которым она размахивает в воздухе. Прокурор стоит рядом и ловко уворачивается, используя техники уклонения челнока. Они верят, что могут судить меня за глупости, которых я не совершал.

Я просто сел не в тот поезд.

– Ты точно не хочешь ничего сказать? – прокурор поворачивается к судье. – Думаю, стоит добавить немного электрических разрядов.

Они озвучивают обстоятельства, среди которых нахождение на публике в нетрезвом виде.

– Вы поверите жалкой кучке свидетелей?

Дюжина очевидцев стоит в ожидании приговора. Некоторые смотрят на часы и зевают. Очередной свидетель выходит вперед.

– Что вы видели?

– Я не уверен, я просто проходил мимо.

– Вы видели этого человека?

– Не знаю, может быть, – он вглядывается в мои глаза. –

Вряд ли.

– Перед вами десять свидетелей подтвердили, что это он, – судья поднимает брови к потолку. Они парят над залом, готовые задушить здесь любого.

– Наверное, я его видел. Точно, он был в зеленой куртке с фиолетовым капюшоном. От него пахло паленым спиртом, а в руках был окровавленный топор.

Он меня не видел.

– Вы немного ошиблись, – прокурор пишет в своем листе показания. – На нем была белая майка и шорты, но ответ засчитан.

Меня ведут в камеру по длинному коридору. Сразу за нами идет темнота, выключаящая лампы освещения одну за другой. Сзади только она, как будто ничего другого там никогда и не было.

– Тебе здесь понравится, – хлопает по плечу конвоир. На нем зеленая куртка с дурацким капюшоном. Он волочит за собой топор.

Эксперты пришли к выводу, что нас надо лечить. Они не объяснили. Но Смертник улыбался, как будто выиграл в лотерею, и даже подмигнул мне на выходе из зала. Так вышло, что он успел первым надеть халат по прибытию в логово сумасшедших горожан. Он улизнул из цепких объятий ноотропов и вскоре бесследно исчез. Я же был не в состоянии проследить за его действиями. Врачи сразу вкололи мне что-то крепкое.

*Я пробираюсь через слои пыли. В условиях плохой видимости я ориентируюсь на смех. Там где смех – там непременно есть что-то сладкое.*

Больничные коридоры напоминали поле битвы – замызганные дерьмом стены и какая-то каша на полу. Я хватался за него ногтями, когда меня тащили на очередные уколы. По-

сле них я чувствовал, как будто меня вывернули наизнанку.

– Если хочешь, чтобы от тебя отстали – не показывай никаких эмоций, – посоветовал мне местный старожила. – Для них ты симптом, который надо устранить, часть эксперимента.

Я ищу среди больных знакомые лица, но никого не узнаю. За стенами течет жизнь, из которой мы выпали в отдельный мир. Ночь пронизана скрипом старых кроватей. Их обитатели видят решетки в своей голове, в отличие от врачей. Решетки из толстых прутьев, сквозь них с трудом пролезает рука. Под моим матрасом спрятана записка. Через что прошел мой предшественник? Я разворачиваю ее в надежде на новые подсказки.

*Когда экспериментируешь со своим мозгом – лучшие вести дневник. Иначе рискуешь вечно ходить по кругу. А с дневником – есть шанс идти по спирали, постепенно удаляясь от своих плоских взглядов. Никто еще не прыгнул выше нашего плана бытия, или они просто не возвращаются оттуда?*

*Я смотрю в глаза местной собаке, за темными зрачками сидит моя копия, дергая рубильники. «Я хочу также!» – кричит она мне. Хочет до меня допрыгнуть. Она убита собачьим кайфом, Г-8 – старый проект, давно закрытый.*

– Пораскинь мозгами, – отвечаю я ей, вставляя в пасть новый препарат. Он позволит ей стать человеком намного быстрее. Обезьяны отправились на запад, потому что там было много псилоцибина. Теперь все они – люди. Собака про-



сит у меня сигарету. Ей нужно перевести дух в этой бесконечной погоне за правдой.

– Что теперь будет? – спрашивает она.

– Когда ты пересечешь грань, увидишь все моими глазами.

– Как же моя стая?

– Для остальных собак ты умрешь.

Я прыгаю за пределы быта с блокнотом и ручкой, записывая новые рецепты. В каждом – частица моей любви. Они очень разные, потому что у реальности бесконечное количество лиц. Лица на тонком полиэтилене, в который мы уперлись головами, пытаюсь заглянуть за. Люди полагают, что фундамент под ногами сделан из твердых материалов, пока их Эго не расщепляется на миллион осколков, существующих вне времени и контекста. Начинаешь видеть психологические конструкторы, словно резисторы в электрической цепи.

– Сколько всего этих уровней? – собака уже смотрит на меня сверху вниз.

Возможен эффект обратного скачка, как я это называю – стать овощем на выходе из новой Вселенной. Сойти с ума, потеряв свою ось вращения. Толпы сумасшедших бродят в потемках, позабыв свою историю.

– Никто не знает.

Я буду рисовать новую картину на крошечной таблетке в своей мастерской. Под громкие звуки параллельных миров, разрывающие динамики моей аудиосистемы, я создам

*новый мир. Мой разум затуманен нейролептиками, а руки – гаечные ключи в руках ретивого слесаря. Мы все на своих местах, исполняем партию в миллионы рук, создавая композицию, пробивающую путь. Куда он ведет?*

*Я знаю, чего нам не хватало. Того, что испытывает любое животное при попытке шагнуть в неизвестное. Адреналин. Острое чувство страха, как, скажем, при падении из окна. Смертник запер меня здесь, но я выберусь. Пальцы его сестренки станут хлебными крошками, ведущими прямо ко мне.*

Стивия.

Мне трудно дышать. Я вскакиваю с кровати и хватаю ближайшего психа за грудки.

– Кто здесь лежал до меня?!

Я трясую его непослушными руками, проглатывая половину слов. Он беззвучно шевелит губами, заливая слюнями паркет. Мы говорим на одном языке. Я читаю всего одно слово, застрявшее в его горле.

Метафизик.

*Сладкий привкус на губах разъедает их в кровь. В поле зрения появляется тень, повторяющая мои движения. Они неточны и не стремительны, как вареный паштет на сковородке. Дверь уже в конце коридора. Полметра отделяют ее от стены. Удар разбудит соседей.*

Стивия в опасности. Этот факт помогает бороться с сонливостью и сумбурными мыслями. Я концентрируюсь на темноте, закрыв глаза. Надо нарисовать план и поверить в него. Все случится во время очередного обхода. Я помню. Следы памяти активируют рецепторы. Я использовал трубку от капельницы. Врач был молод и наивен. Помню поток возбуждения. Мысли, звуки и краски растягиваются во времени. Мозги работают по-прежнему медленно. Переключение внимания отстает, работать в таких таймингах непривычно. Теряюсь в мыслях. Я уже не на зассаном матрасе. Я забрал ключи из нагрудного кармана, они точно были там. Системы мозга щелкают в разном ритме, командная работа требует усилий. В таких условиях план из двух пунктов становится инженерной задачей. Я надел его халат, все произошло быстро. Сойду за своего, у Смертника уже получилось их обойти. Врачи, проходящие мимо, оборачиваются, щуря глаза.

Что если Стивия меня ненавидит? Я неправильно ее воспринимал. Она отталкивала меня всякий раз, когда я приближался, и кричала о помощи. В голове проявляется, как на пленочной фотографии, ее образ. Лицо нахмурено, красные огни в зрачках готовы испепелить меня. Холод бежит по спине. Это не может быть правдой, у нас все хорошо. Просто замечательно. Она шептала мое имя и улыбалась. В зрачках просто блуждали блики от уличных фонарей.

Я сел в такси, водитель в потертой кепке охотно отозвался на просьбу давить, что есть силы, на газ. Машина устре-

милась прочь от всех этих халатов. Теперь у меня есть время обдумать дальнейшие шаги. Ты всегда имеешь дело с моментом, существовало ли что-то до него? Будет ли что-то после? Мы объезжаем другие машины, в каждой сидят сектанты. Водители смотрят в циферблаты на панели приборов, пассажиры уставились в свои наручные часы. На оси времени расположились мириады интерпретаций темной материи, неподвижной и вечной. Мне нужно спешить обратно в город.

Крышка бардачка отстегивается, когда мы пролетаем трещину в асфальте. Внутри лежит телефон.

– Если хочешь двигаться дальше, пора повышать уровень паранойи, – водитель бросает взгляд на телефон в моей руке, – игла для любителей свободы.

На экране отображается входящий вызов. Номер не определен. Я давлю на шершавую кнопку ответа.

– Кто это?

– Это силы Эволюции. Вашим генам отказ... в... про... ении

Связь прерывается, я пытаюсь разобрать слова.

– Что это значит, повторите, я не слышу.

– Вы слишком ничтожны для размножения. Ожидайте своей смерти.

Эволюция кладет трубку.

– Что говорят? – водитель барабанит пальцами по рулю.

Я смотрю на силуэт за его окном. Нас обгоняет мотоцикл с двумя дьявольскими цилиндрами, оглушая все в радиусе пя-

тидесяти метров. На нем сидят двое. Пассажир поворачивается в мою сторону. Я узнаю фигуру, это Стивия. Она сбросила свою загадочную маску. Разум больше не видит во мне живой щит. Температура ее взгляда сравнима с абсолютным нулем. Разум генерирует новые задачи, создание следующих бойцов на службе начинается с бабочек в ее прекрасном животе. Нити тянут Стивию в другую сторону, а мне остается лишь любоваться издали ее красотой. Она цветет уже не так ярко, но форма черепа прекрасна, как прежде. Как в день нашего знакомства. Она отворачивается, и в машине становится теплее. В ближайшие часы я не смогу думать ни о чем, кроме нее. Она выбрала какого-то мудацкого байкера. Почему?

– Какой странный запах, ему бы мотор проверить, – замечает водитель, втягивая проникающие через приоткрытое окно запахи. Из глушителей мотоцикла идет яркий дым. Я понимаю слишком поздно, что произошло. Нас обошел Квотер Киллер с двухцилиндровым сердцем, извергающим клубы сладкого дыма, полного грез.

– На рельсах бессознательного руль выполняет функцию антистресса, – водитель вдыхает полной грудью. – Вот почему все идет своим чередом, и даже безумные поступки в итоге кажутся спланированными заранее. Пазл бьется, что бы ты ни делал.

Я стараюсь не дышать, но пары перехватывают мышечный контроль, вынуждая ребра расслабиться.

– Держи, – водитель протягивает снятый со шлицов руль, – взгляни сам.

Он заливается скрипучим смехом, Солнце на горизонте освещает его расширяющиеся ноздри. Машину тянет в кювет, мне кажется, что мы падаем с небес под действием силы тяжести. Я смотрю в окно, цветущие поля пролетают мимо под мерный стук колес. В лобовых стеклах Стивия в окружении цветов устремляется навстречу Солнцу. Легкие заполняются, насыщая голову фантомными материями. Это больше не автомобиль... Рельсы под колесами заржавели в ожидании нашего появления. «Прошла целая вечность ради этого момента», – передают они азбукой Морзе. Ржавчина вязко сковывает суставы, пронизывая головной тепловоз, в котором мы сидим. Скрипя рыжими зубами, я ем сахар из тарелки, стоящей на торпеде перед моим креслом. Грузовой дизель рокочет, поедая нефть. Динамики над головой хрипят старые мотивы. Песни о любви, ненависти и самопожертвовании. Руль в моих руках добавляет немного уверенности. На поворотах я поворачиваю его синхронно рельсам.

– Главное не вращать в другую сторону, чтобы не терять надежду на контроль, – советует машинист на соседнем сиденье.

Сахар в тарелке заканчивается. Стивия начинает терять романтические очертания.

– Вам добавка, – проводница, появившаяся так вовремя, протягивает мне новую порцию.

Вся романтика умещается в ложке сахара.

– Куда мы едем?

– Куда захотите, – она подмигивает заплывшим глазом.

Он шипит на меня, осуждая абьюзивное отношение к экипажу.

– Что мы везем?

– Лучше не знать. Вам оттуда ничего не унести без меня.

Проводница уходит. Узкое горлышко всей системы – эффектная блондинка.

– Дух свободы умещается в стенах черепной коробки. Хорошо, что тебя уронили головой в детстве.

Машинист кивает на дробовик в углу тепловоза. Я замечаю его только сейчас. Он ложится в руки знакомым вальсом. Что происходило до песочницы? Я должен взглянуть, что в вагонах моего поезда.

– Вся психология – раздувшийся комплекс, превратившийся в Эго, – бросает машинист мне вслед, когда я покидаю кабину.

Опьяненные коррозией тараканы разбегаются из-под ног. Патроны давно обросли мхом. Проводница бежит по коридору вагона, молотя руками в закрытые двери. Я прохожу мимо открывающихся купе, заглядывая внутрь. Люди в очках расстелили на столах схемы и бьют скрюченными пальцами по своим калькуляторам.

– Вы видели, как она разворачивает конфеты? – спрашивает один из них, хватаясь за изящные чертежи знакомых

женских пальцев. – Настоящая находка, я все рассчитал.

– Плюсоев много, – отвечает другой, – судя по цвету глаз, сможет прикрыть наши комплексы, сообщите на кухню. Пусть добавят специй.

Я шагаю по коридору, головы выглядывают из стен, провожая меня взглядом. Они тычут в меня руками. Заметив оружие – прячутся обратно. Вагоны гирляндой летят сквозь толщи воздушной пыли. Сколько их здесь? Я перехожу через тамбуры, в которых курят знакомые лица. Девочка с лопаткой держит в руке мою детскую фотографию. Она прожигает в ней отверстия сигаретой. По щекам текут слезы.

– Ты был моим ориентиром, идиот, – она запускает в меня тлеющий окурок щелчком пальцев. Узнаю нотки Стивии в ее голосе.

Вагон-ресторан выделяется яркими расцветками. Стены разрисованы всей палитрой красок. Повара в больших колпаках бегают, хватая сковородки и кастрюли. В эпицентре суматохи поднимается тесто из стальных нитей. Рядом я замечаю Смертника, он хочет что-то добавить в соус. В руке у него флакон.

– Стой, ублюдок, что ты здесь делаешь? – я прорываюсь в его сторону, расталкивая увесистых поваров.

– Наконец-то ты здесь, – он бросает мне хрустальный флакон, – вот главная работа Метафизика.

Я ловлю пузырек. В нем ничего нет, он пустой.

Вера управляет интерпретацией, или интерпретация – ве-



рой?

– Успех не в том, чтобы выиграть, а в том, чтобы побороть свою личность. Поставить ее на колени, прислонить пушку к виску и нажать курок. После этого взглянуть в свои глаза и увидеть там что-то большее, чем пустоту. Это и есть ты. Единственная правда, доступная тебе, – Смертник устремляется в следующий вагон, – Метафизик обитает на верхних этажах. Я иду за ним. Догоняй!

Динамик на стене шипит.

– Говорит машинист. Поезд приближается к конечной.

Надо спешить. Я переворачиваю все кастрюли, попадающие мне на пути.

– Без нас ты даже с дивана не встанешь, – один из поваров пытается спасти свои кулинарные амбиции, – без эмоций ты ничто, тупая кукла!

Музыканты в соседнем вагоне записывают песню на пленку, я никогда ее не слышал, но строки кажутся до боли знакомыми, как будто я сам их сочинил. В очередном тамбуре я замечаю рычаг стоп-крана. Пора останавливать этот цирк. Рукоятка оказывает сопротивление. С хрустом она опускается вниз. Мне сразу становится легче, ощущаю потоки заветного кислорода. Он борется с ядами, проникая в кровь. Еще не все потеряно. Поезд начинает интенсивно тормозить, вздымая железные облака стружки. Он останавливается недалеко от станции, это городской вокзал. Значит, мы все-таки добрались до города. Я спрыгиваю из вагона на же-

лезнодорожную насыпь. На горизонте Смертник движется в сторону единственного высокого здания, уходящего далеко в небо. Бетонный клык, торчащий из города.

Я иду к нему вдоль городских улиц, постепенно приходя в себя. Порывшись в карманах, я понимаю, что меня обчистили. Чертовы байкеры. На уличных фонарях развешаны листовки с моим лицом. Пешеходы на мгновение задерживают взгляд, когда я прохожу мимо, а затем старательно отворачиваются.

– Чего вылупились?! – кричу я им. – Это не я!

За мной движется уже небольшая толпа к тому моменту, когда я добираюсь до многоэтажки. Кнопка лифта в подъезде подплавлена зажигалкой. Я захожу внутрь кабинки. Приказная панель исписана маркерами. Рядом с кнопкой двадцать седьмого этажа нацарапано «Метафизик». Лифт устремляется вверх с таким усердием, что трудно сохранять вертикальное положение. Вывалившись на лестничную площадку, я вглядываюсь в номера квартир и быстро обнаруживаю нужную дверь. Из под порога одной из них сочится сладкий дым, как будто кто-то поджег сахарную вату. Дверь заперта, придется ломать. Взяв разбег, я устремляюсь в закрытую квартиру...

*Дверь обрушивается, достигнув стены в конце коридора. Рядом с ней я замечаю бледную фигуру. Черные зрачки на белой простыне. Слюна тянется к полу. Бессмысленный*

взгляд смотрит прямо перед собой, в руках сжато подобие винтовки.

Метафизик?

Я кричу, чтобы он опустил оружие. Он не реагирует. Размышлять нет времени. Курок запускает в его сторону заряд дроби... Зеркало разлетается миллионом осколков. В каждом я узнаю фрагмент своего отражения.

Пробираясь через осколки, я выхожу в тускло освещенную комнату. Смертник сидит на подоконнике, облокотившись на стекло, и сверлит меня взглядом. Через открытую дверь балкона тянет свежим воздухом.

– Где он? – я навожусь ружье на него, как будто это поможет узнать правду.

– А классно нас штормило в том фургоне, да? Меня только сейчас отпускает. Что мы успели натворить?

Я помню, как заливал дюжину литров топлива в бензобак. Отлипни от канистры с бензином – и все прояснится. Так устроена жизнь, и за каждым твоим шагом скрывается безумный Бог, запускающий новые волны атомов в бой. Смертник показывает на дверь балкона. Палец изъеден кислотой.

– Просто ответь на вопрос, – я прислоняю оружие к его голове.

– Не стоит так со своим врачом, приятель. Я первый надел халат, помнишь?

Я надавливаю на его череп.

– Где он, черт возьми?

– Полиция будет здесь с минуты на минуту. Он выбрал свободу. Взял свой дневник и отправился вниз.

Я выхожу на балкон, прохладный бриз обдает раскаленные волосы. Внизу рядами стоят автомобили. Галька на песчаном пляже. Так высоко я никогда еще не был. Кубометры воздуха накатывают волнами. Я вглядываюсь вниз, обхватив ветхие перила свободной рукой. Кожа на ней болит, пропитываясь коррозией. Внизу никого нет. Мимо меня пролетают исписанные страницы, ветер уносит их прочь. Я вытягиваю руку и хватаю один из листов.

Нет иных путей на карте быта.

Реальностью своей не подавись.

Потребством мне заняться или сбытом?

Она мне дышит в спину, обернись!

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть летящий в меня костлявый кулак. На каждой костяшке замечаю свой портрет.

У реальности бесконечное количество лиц.

Мышцы на этот раз работают исправно. Я уже справа, уклонился, заряжаясь для мощного хука. Винтовка с грохо-

том вылетает из руки. Кулак Смертника пролетает мимо, едва зацепив ухо.

Лица на тонком полиэтилене, в который мы уперлись головами.

Я пружиной распрямляюсь в его челюсть. Гнилые зубы фейерверком разлетаются вокруг. Он смеется, забрызгивая меня кровью.

В попытке заглянуть за.

Через дыру в его груди я вижу обои. Винтовка выстрелила при падении. Смертник оседает на пол.

– А ты не промах, парень, – говорит он, вытирая бледное лицо.

Черная кровь растекается по ламинату. Он однозначно будет испорчен влагой. Я протягиваю ему кубик сахара, найденный в кармане. Хоть это оставили двухколесные кретины. Он отказывается. Это конец для него, определено. Я выдвигаюсь по окрасившимся в красный цвет осколкам прочь из квартиры, оставив его наедине с обоями. Лифт не работает, и я спускаюсь по лестнице. Чувство падения не покидает тело. Сколько еще пролетов впереди...

Выйдя на улицу, я наступаю на что-то мягкое. Под ногой тлеет красная самокрутка, свернутая наспех опытной рукой. Ветер притих, вдалеке слышны звуки сирены. До вокзала пара километров, надо успеть на следующий поезд. В голове застыл немой вопрос, оставленный Смертником на белеющих губах в последний момент.

*Уверен, что не пробовал Г-12?*